

AMORE

ЗАРУБЕЖНЫЕ РОМАНЫ О ЛЮБВИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН
ЖАСМИНОВЫЕ НОЧИ

МЕЛАНИ БЕНДЖАМИН
ЖЕНА АВИАТОРА

ЛИЯ ФЛЕМИНГ
ОТКРЫТКА

КЭРРИ БРАУН
И ВСЁ РАВНО ЛЮБИ

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН
**ПРЯНЫЙ АРОМАТ
ВОСТОКА**

ЛИЯ ФЛЕМИНГ
**ДЕВУШКА
С «КРАЯ СВЕТА»**

ФИОНА МАКИНТОШ
**ХРАНЮ ТЕБЯ
В СЕРДЦЕ МОЕМ**

ФИОНА МАКИНТОШ

ХРАНЮ ТЕБЯ
В СЕРДЦЕ МОЕМ

Москва
2017

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Fiona McIntosh
THE TAILOR'S GIRL

Copyright © Fiona McIntosh, 2013
The moral right of the author has been asserted

Перевод с английского *В. Скурлатовой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Макинтош, Фиона.

М15 Храню тебя в сердце моем : [роман] / Фиона Макинтош. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Аморе. Зарубежные романы о любви).

ISBN 978-5-699-81440-4

Молодой солдат просыпается в военном госпитале. Он не помнит ни своего прошлого, ни родных и близких. Сестры называют его Джонсом, но настоящее ли это имя? Когда он был ранен и сколько ему лет? В памяти остались лишь чудовищные моменты боя, а еще – ощущение парализующего страха и опасности. Джонс понимает: в его прошлом есть тайны, и он не найдет покоя и счастья, пока не вспомнит и не отыщет ту единственную, которая была его воплощенной мечтой, любовь которой его хранила и без которой он не мыслит своей жизни.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Скурлатова В.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-81440-4

Глава 1

Ноябрь 1919 года

.....

Он резко проснулся и уставился на знакомый потолок, где пузырилась краска, но чем сильнее он — пытался зацепиться за призрачные воспоминания, тем дальше они ускользали, точно осенняя паутинка, уносимая ветром. Ночные кошмары все же оставили после себя след: резкий привкус во рту. Это был металлический вкус крови, отвратительное зловоние гниющей плоти и экскрементов, всепроникающий запах пороха или старого табака, пота... но в основном кислый, леденящий кровь привкус страха. Врачи уверяли, что он просто заново переживает время, проведенное в окопах.

«Такое бывает довольно часто, все пройдет», — говорили ему, однако подобные увещевания не помогали положить конец повторяющимся кошмарам.

Он дрожал под больничным одеялом, на уголке которого стояла голубая печать его нынешнего пристанища, Эдмонтонского военного госпиталя. Одеяло было слишком тонким и не грело, но маленькая железная кровать стояла рядом с древней батареей, чье легкое гудение успокаивало. Он лежал и думал о том, сколько людей лежало на этой кровати до него. Для стороннего наблюдателя он выглядел довольно неплохо. Раны уже успели зажить, и теперь только хромота напоминала о том, что он побывал на фронте. Гораздо серьезнее был невидимый шрам у него внутри.

Он не мог вспомнить, как его ранили, а поскольку его доставили в госпиталь как неизвестного солдата, врачи тоже этого не знали. Они пришли к выводу, что, исходя из давности его ранений и из того, что перевязки были сделаны крест-накрест, он, должно быть, провел какое-то время в полевом госпитале во Фландрии, а затем — в базовом госпитале, скорее всего, в Руане, во Франции. Поэтому он пришел к заключению, что, видимо, участвовал в битве при Ипре.

Несколько месяцев назад его привезли на родину — сюда, в Лондон. Большую часть времени он пролежал без сознания из-за серьезной контузии и безостановочно бредил в лихорадке, появившейся из-за инфекции. Он не мог вспомнить ничего из случившегося до июня 1918 года, кроме ярких образов, которые видел во сне и которые исчезали, стоило ему проснуться. Первым четким воспоминанием было пробуждение на борту корабля, двигавшегося к Англии через Ла-Манш. Он помнил, что было лето — июль. Мужчины пели, курили, тихо переговаривались по углам, некоторые стонали от полученных ран. Всем было так же жарко, как и ему, и люди предпочитали оставаться на палубе, но никто не жаловался. Все они прошли через ад и выжили. Он помнил, как растерянно смотрел вокруг, испытывая только замешательство, — у него не получалось воскресить в памяти то, что другие пытались забыть.

— Доброе утро, Джонси. — Отчаянные попытки вспомнить хоть что-то прервал звонкий голос, вернувший его к реальности. — Бррр... холодно сегодня.

— И вам доброе утро, Нэнси. — Он улыбнулся медсестре, которая, казалось, всегда была в приподнятом настроении.

— Как у нас дела? — Она начала измерять его пульс.

— У нас все хорошо, — ответил он, находясь под впечатлением от ослепительной белизны ее накрахмаленного передника, который контрастировал с темно-синей уни-

формой под ним. И передник, и униформа создавали однотонный фон для ее огненно-рыжих волос. Нэнси сдвигала свою шапочку медсестры как можно дальше на затылок, и из-под нее выбивались золотистые завитки волос. Она не была головокружительно красива, но вела себя так, словно не счесть ее привлекательной мог только слепой. Ее самоуверенность была очаровательной. И проявлялась, даже когда она считала, глядя на циферблат своих карманных часов.

— Вы определенно хорошо выглядите, — наконец проговорила она. — И, смею добавить, весьма привлекательно, несмотря на эту бороду. — Она подмигнула.

Он почесал подбородок, с которого все еще отказывался сбрить густую темную щетину без единого седого волоска.

— Возможно, вас кто-нибудь узнает, если побреетесь, — насмешливо сказала Нэнси, взбивая его подушки. — Вы собираетесь одеваться?

— А в этом есть какой-то смысл? — спросил он, передразнивая ее веселый тон.

Она игриво его шлепнула.

— Да, мистер Джонс. Для начала я бы хотела узнать ваше настоящее имя. Вы разговариваете так, словно совсем не отсюда.

— А откуда же я? — спросил он, вставая, чтобы она могла поменять постельное белье. Он подошел к окну, пытаюсь скрыть, что тапка на левой ноге тащится по полу с легким шорохом.

— О, думаю, из какого-нибудь шикарного местечка на юге, — ответила она.

Он задумался.

— Может быть, я известный актер.

— Я бы вас узнала. — Она покачала головой и нахмурилась. — Думаю, вы были адвокатом или банкиром, — сказала она. — Тогда бы я точно пошла с вами на свидание.

— Разве я вас приглашал? — удивился он, смущенно отворачиваясь от окна и принимаясь возиться с поясом своего халата.

— Нет, но я жду приглашения, поскольку вы уже можете ходить и у нас наконец-то наступил мир. — Она снова оценивающе посмотрела на него.

Мир. Он не знал, что это значит.

— Какое сегодня число, Нэн?

— Девятнадцатое ноября, хотя уверена, вы не первый, кто задал сегодня этот вопрос. Думаю, вся страна еще в состоянии похмелья. — Она засмеялась и тряхнула головой. — Мне постоянно хочется себя ущипнуть, чтобы убедиться, что все это закончилось. Четыре года... — Нэн вздохнула и щелкнула пальцами. — И все закончилось вот так. Из-за чего вообще воевали?

Нашла у кого спросить. Он снова посмотрел на ухоженную территорию госпиталя — говорят, у главного входа раньше росли великолепные цветы, но последние несколько лет на их месте выращивали овощи. Следующей весной свежие лепестки сотрут эту печальную страницу истории, и на клумбах снова распустятся цветы. Он находился в отдаленном крыле госпиталя, которое пациенты между собой называли «санаторием» — тут было довольно весело, когда их было четверо в палате. Но трое его соседей вернулись к своим семьям, и теперь отдаленное расположение комнаты лишь усугубляло его одиночество.

Еще один небольшой садик за окном все еще был покрыт голыми колючими розовыми кустами. Лужайка выглядела жесткой от изморози, он заметил малиновку на почти безлистном кустарнике, где та мелодично щебетала, пристроившись среди темно-оранжевых ягод шиповника. Джонс предположил, что певуном был самец, судя по подковообразной отметине на лбу зеленовато-коричневой птички. «Откуда я это знаю?» — подумал он. Малиновка казалась такой же одинокой, как он сам, а ее песня, доно-

сившаяся через окно, звучала печально — под стать его настроению. Он понял, что этой птице тишина нравится не меньше, чем ему самому.

— Ладно, Джонси. Я скоро вернусь. Вы к тому времени уже примете душ? — поинтересовалась Нэнси.

— Конечно. Не хочу вас разочаровывать.

Она сжала его руку.

— Вот бы все пациенты были такими же хорошими, как вы. Если хотите, оставайтесь тут навсегда.

От ее слов он похолодел. Он знал, что она не хотела ничего плохого, но ее шутка его возмутила.

— Вы один из счастливчиков, — добавила Нэн. — Видите вон ту хорошенькую женщину? — Она кивнула на окно, и он увидел темноволосую незнакомку в темно-синем костюме и бежевых перчатках, которая шла по дорожке мимо здания. — Я сегодня узнала, что она потеряла брата — примерно вашего возраста. Ему было тридцать три. Она была так подавлена... словно это случилось вчера.

— Потеряла?

— Он погиб на войне, но о нем нет никаких сведений — тела не нашли, и в 1915 году его похоронили как безымянного солдата. Вроде бы она упоминала Ипр.

Он моргнул.

— Ипр — там, где был ранен я?

— Мы только предполагаем, что вы там были, — напомнила она, помахав перед ним пальцем.

Пока они говорили, женщина исчезла за живой изгородью.

— Кого она навещает?

— В общем-то, никого. Знаете, там, где вы любите сидеть — чаще всего насупившись, — расположен служебный вход. — Он кивнул, и Нэнси пожала плечами. — Она что-то привозила для начальника госпиталя. Наверное, ждала его в кафетерии. Я слышала, как она рассказывала

о своем брате. — Нэн снова вернулась к бытовым вопросам. — Так, давайте-ка в душ, а потом сможете пойти на общий завтрак...

— О, я бы лучше...

— Да, мистер Джонс, я знаю, что бы вы лучше, но... таковы правила госпиталя.

— А что насчет «испанки»?

Она моргнула, мгновенно расстроившись.

— Ночью умерли еще двое. И еще две медсестры — уже в общей сложности четыре из наших девочек.

— Нэн, мне так жаль, — сказал он, чувствуя угрызения совести, что испортил ей настроение.

— Это ужасная болезнь, от нее никому не скрыться. Бет Черчер была отличной медсестрой, мы все ее любили. Сгорела за два дня. За каких-то два дня. В одну минуту ты здоров, а в следующую кожа приобретает лиловый оттенок, равносильный смертному приговору. — Он с сожалением покачал головой. Джонс не был знаком с Бет, но видел, что Нэн убита горем. — И молодой Джоуи Несбитт. Должен был уехать домой через неделю. Я не знала второго пациента и сестру, но нам сообщили о них сегодня утром. И это не последние, — горестно подытожила она.

— Тем больше у меня оснований оставаться здесь. — Он попытался подбодрить ее.

К его удивлению, Нэн согласилась:

— В этом крыле госпиталя почти никого нет. Наверное, тут вы в безопасности, к тому же я не работала в палатах Бетти — там, где умерли Томми и второй парень. — Она снова улыбнулась. — Хорошо, оставайтесь здесь. Я скоро принесу поесть. Но не забудьте, завтра — вечеринка в честь мира. Я отнесла вашу запасную рубашку в стирку: все собираются принарядиться. Я оставлю вам бритву. — Она еще раз подмигнула и ушла.

Он не понимал, как можно устраивать вечеринку, когда в стране бушует смертельная эпидемия. Только на прошлой

неделе, сидя в саду, он сквозь кусты услышал проходящую мимо семью. Одна из девочек что-то напевала, и ему подумалось, что она вряд ли понимает ужасные слова:

У меня была птичка
По имени Энца.
Я открыла окошко —
И вот ин-флу-Энца¹.

«Испанка», как называли этот грипп, разошлась не на шутку, и ей было наплевать, что Европа только что потеряла целое поколение молодых мужчин. Теперь она собиралась уничтожить всех: бабушек и дедушек, сестер и братьев, тетушек и дядюшек, кузин и кузенов... друзей.

Некоторые говорили, что испанка страшнее чумы и убивает быстрее, чем любая война. Он читал, что она началась в окопах. Солдаты, выжившие в бою, принесли болезнь на родину — кто-то считал, что она началась в Шотландии и оттуда распространилась на юг, кося людей тысячами на своем смертоносном пути. Писали, что к октябрю более четверти миллиона британцев, большинство из которых до этого были здоровы, скончались от испанского гриппа.

Теперь начали умирать и здесь, в госпитале.

Он снова посмотрел на дорожку, по которой прошла одинокая молодая женщина. Стук ее каблуков по брусчатке тихим эхом отдавался у него в голове, и он позавидовал тому, что она может беспрепятственно уйти отсюда.

* * *

Кошмары становились все ужаснее. Ему снился желто-зеленый ядовитый туман и испуганные люди, слепо мечущиеся в агонии, гибнущие от удушья. Их мертвые, перепачканные предсмертными испражнениями тела па-

---

¹ Игра слов (*англ.* In flu Enza — «Внутри залетела Энца»).

дали в грязевое месиво по колено глубиной. Он не знал их имен, их военная форма ни о чем не говорила, и лиц их он тоже не видел: они были либо до неузнаваемости обезображены, либо просто неразличимы.

Сегодня он проснулся злым и раздраженным из-за того, что его так никто и не узнал. Ну хоть кому-нибудь в этом мире он должен быть нужен!

Джонс быстро принял душ, все еще испытывая восторг от возможности помыться в одиночестве. Сначала намочил кусок мыла, который оставила Нэн вместе с бритвой, в нее было вставлено новое лезвие — это подсказал ему большой палец. И можно было лишь догадываться, где он научился это определять. Мыло оказалось сухим и потрескавшимся из-за того, что им долго не пользовались. Однако эти недостатки устранились после контакта с водой, и, когда он намылил бороду, небольшую ванную комнату наполнил резкий лекарственный запах дегтя. На миг острый запах перенес его в прошлое, и он стал ребенком, сидящим в ванной, которому одобрительно улыбалась пожилая женщина в форменном платье, заворачивая его в большое белое полотенце. Потом видение пропало, в памяти не сохранилось даже ее лица — только большие, до боли знакомые руки с толстыми, как сосиски, пальцами без колец и далекий родной голос. Затем воспоминания испарились, и, сколько бы он ни вдыхал резкий маслянистый запах, снова услышать ее нежное бормотание не удавалось.

Джонс схватил тряпку, чтобы протереть запотевшее зеркало. Старое стекло было покрыто пятнами, амальгама стерлась по краям, особенно там, где были отверстия для креплений. Мелкие темные точки покрывали одну сторону отражения, которое угрюмо смотрело на него. Почти половина его лица была скрыта в тени, и отражение, казалось, издевательски ухмыляется ему. Он был человеком только наполовину, вторая часть — та, которая знала, кто он та-

кой и откуда, — была призраком, бродившим по полям сражений Ипра... если его и в самом деле привезли оттуда.

Почему он не узнает человека с мрачным взглядом и шапкой блестящих, почти черных волос, который смотрит на него из зеркала? «У тебя школьный пиджак под цвет глаз», — в голове крутились слова, но кто их произнес? В какую школу, где ученики носили темно-синюю форму, он ходил? Трубы в ванной громко зашумели, и он швырнул бритву в раковину, где металл звонко ударился об эмаль, отколов несколько кусочков. Именно так он себя чувствовал. Сломленным. Разбитым.

Он не стал бриться, только умылся и небрежно вытер лицо, стараясь побороть раздражение. Борода по-прежнему пахла дегтярным мылом. Нэнси будет недовольна. Он послушно надел постиранную и выглаженную рубашку, которую она принесла. Единственный костюм, поношенный и неизвестно откуда взятый, был старый, с вытертыми коленями, вылинявшими локтями и двумя обтрепанными петлями для пуговиц. В каком-то смысле этот костюм казался ему оскорбительным, но, по правде говоря, он выполнял свою функцию и неплохо на нем сидел. У него не было серьезных поводов жаловаться, особенно с учетом того, что большинство раненых получали сразу узнаваемый ярко-синий костюм со странными белыми лацканами и ярко-красным галстуком. Нэн, которую он чем-то заинтересовал, принесла ему этот костюм из дома. Он был уже не нужен другу ее кузины. Джонс не стал задавать очевидный вопрос, но поморщился от едва уловимого запаха нафталина.

— Носи его почаще и вешай проветриться, — предложила Нэнси, легко пихнув его в бок. Он знал, что ей нравится игриво прикасаться к нему. — Тогда запах улетучится.

«Возможно, нафталин отпугнет вирус испанки», — невесело подумал он, поправляя пиджак.

После ванны Джонс сразу же направился в небольшой сад рядом с его палатой. Он надеялся, что свежий воздух поднимет настроение и развеет запах дегтя. Сегодня на улице было теплее, возможно, дело шло к дождю. Хмурые тучи заволокли небо, но он все равно решил выйти, оставив теплое пальто висеть на крючке у двери. Он ненавидел это пальто. Его почистили, но от него все равно несло смертью. Вместо этого он надел под пиджак шерстяной свитер, который связала для него одна из сестер милосердия. Ему нравился его болотный цвет, и он надеялся, что женщина наконец увидит, что он его надел.

Он помахал одной из медсестер, проходившей неподалеку. Она была старше его, но ему нравилась ее серьезность.

— Как вы себя сегодня чувствуете, мистер Джонс?

— О, хорошо, хорошо, — дежурно ответил он. — Похоже, собирается дождь, — добавил он, переходя к следующей стандартной теме разговора.

Она посмотрела вверх.

— Вам не стоит задерживаться на улице.

— Не буду. Все, похоже, заняты, — заметил он, радуясь, что удалось повернуть беседу в нужное русло.

— Это вечеринка в честь мира — наконец-то мы ее дождались. Можно готовиться к самому счастливому Рождеству.

— В этом году много поводов для праздника, — согласился он и тут же пожалел об этом, поняв, что многие будут горевать по погибшим родственникам.

— Да, это правда, — ответила сестра Болтон, жизнерадостно махнув на прощание рукой. — Увидимся на вечеринке. Пришла новая посылка с «Таксидо» от наших американских друзей. Кстати, вам не мешает побриться.

Он кивнул и помахал ей в ответ. Ему бы пригодился новый запас табака. «Воспоминания могут покинуть тебя, — подумалось ему, — а вот вредные привычки почему-то останутся». Ему срочно нужно было ощутить вкус сигареты,

потому что от одного лишь упоминания «Таксидо» захотелось курить. Он раскурил одну из последних самокруток, глубоко затянулся и почувствовал, как никотин достиг горла. Землистый вкус напомнил ему — всего на мгновение — о могиле. Но пытаться распутывать эту цепочку ассоциаций было бесполезно. Он знал, что бессмысленно заикливаясь на кусочке воспоминания, и заставил себя последовать совету врача, который считал, что разум сам восстановит воспоминания, когда полностью исцелится.

— Это как с твоей раненой ногой, Джонс. Просто нужно время.

Какой-то остряк — ему помнилось, что это как будто была Нэнси, — предположил, что вернуть ему память поможет еще один удар по голове. Он вздохнул, представив, как легко это было бы, и задумался, не попросить ли Нэнси принести ему хоккейную клюшку, чтобы проверить ее теорию на практике.

Свежий воздух потихоньку улучшал его состояние. По крайней мере, у него поднялось настроение. Врачи уверяли, что раненые, испытавшие то, что называется «контузия», нередко страдают потерей памяти. Частью его восстановительной терапии было общение с психиатром, и доктор Вон сказал, что такие провалы в памяти, как у него, хотя вообще встречаются редко, в последнее время участились, и это неудивительно, если учесть рассказы о том, что приходилось переживать на фронте солдатам союзных войск.

Так почему же он чувствует себя каким-то симулянтом? Он бы вспомнил, если бы мог, черт побери! Ему не нужно сочувствие. Он не сомневался, что не стал бы прикрываться потерей памяти, чтобы выбраться из ада, откуда его предположительно привезли. Что ж, больше он ни дня не проведет в этом месте, где на него смотрят с жалостью и общаются как со слабоумным, в ожидании того, что кто-нибудь его узнает — найдет и заберет, как потерянный багаж. Пришло время принять решение.